

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 115–122
North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(1):115–122

Проблемы гражданского и предпринимательского права

Научная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-115-122

ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РСФСР 1922 г. КАК ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: К ЮБИЛЕЮ КОДЕКСА

Татьяна Владимировна Шатковская^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, shatkovskaya.tv@gmail.com

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению правовой природы первого советского гражданского кодекса и его роли в развитии российского позитивного права. ГК РСФСР 1922г., созданный как временный на период восстановления советской экономики после Гражданской войны, действовал почти сорок лет. Автор доказывает, что ГК РСФСР 1922г. своим действием опроверг утверждение советских юристов о недолговечности и детерминированности социально-экономическими условиями закрепленных в кодексах институтов. В статье показано, что многие специфические положения ГК РСФСР 1922г. прочно вошли в отечественное гражданское право, став устойчивыми понятиями и институтами.

Ключевые слова: Гражданский кодекс, советское право, революционная законность, право собственности, публично-частное гражданское право

Для цитирования: Шатковская Т. В. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. как феномен публично-частного гражданского права: к юбилею кодекса // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 115–122. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-115-122>

Problems of Civil and Business Law

Original article

CIVIL CODE OF THE RSFSR 1922 AS A PHENOMENON OF PUBLIC-PRIVATE CIVIL LAW: FOR THE ANNIVERSARY OF THE CODE

Tatiana V. Shatkovskaya^{1, 2}

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shatkovskaya.tv@gmail.com

²Rostov state economic university (RINH), Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article is devoted to revealing the legal nature of the first Soviet civil code and its role in the development of Russian positive law. The Civil Code of the RSFSR of 1922, created as a temporary one for the period of restoration of the Soviet economy after the Civil War, was in force for almost forty years. The author proves that the Civil Code of the RSFSR 1922 by his action, he refuted the assertion of Soviet lawyers about the fragility and determinism of the socio-economic conditions of the institutions enshrined in the codes. The article shows that many specific provisions of the RSFSR Civil Code of 1922 firmly entered the domestic civil law, becoming stable concepts and institutions.

Keywords: civil code, Soviet law, revolutionary legality, property right, public-private civil law

For citation: Shatkovskaya T. V. Civil code of the RSFSR 1922 as a phenomenon of public-private civil law: for the anniversary of the code. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):115–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-115-122>

Рождение кодекса становится важным социально значимым правовым событием не только для его современников, но и потомков. Кодекс как неотъемлемый элемент истории положительного права дает новое направление развитию юридической науки, образования, правоприменительной практики. Поэтому при разработке кодекса следует учитывать, что он не только определяет поведенческую модель взаимодействия субъектов права в определенной сфере общественных отношений, но и влияет на правовое сознание поколений людей и их отношение к юридическим предписаниям государства. Наибольшее влияние оказывает гражданский кодекс, поскольку его предмет охватывает широкий круг «обывательских» хозяйственных отношений. Осуществление гражданских прав предполагает особый образ мышления и определенную практическую подготовку граждан. Не менее значимо искусство кодификатора для сочетания в кодексе общих и конкретных норм, обеспечивающих демократизм, динамизм и правовую устойчивость имущественного оборота.

К началу XX века в западноевропейской юриспруденции сложились современные каноны гражданского права. Их идеологической основой стала концепция естественного права, построенная на понимании человека как олицетворении свободы. Осуществление начал индивидуальной свободы вовне проявляет автономную волю лица и определяет его правомочия. Индивидуальные неотъемлемые от человека права приобрели высшую силу по отношению к правам, вытекавшим из общественного союза.

Закреплению этих постулатов в гражданских кодексах предшествовала длительная эволюция научных идей философов-просветителей (Гоббс, Локк, Руссо) прежде всего идеи о равенстве прав граждан и ее воплощение в политическом порядке европейских государств. Появление кодексов, закреплявших гражданское равенство и свободу вне зависимости от происхождения и социального положения человека, предотвращало, по мнению их создателей, господство крупной собственности и юридически обеспечивало равные конкурентные возможности в сфере имущественного оборота.

Доктрина абсолютной власти отдельного лица, ограниченного только законом и законными интересами других лиц, стала философской основой цивилистики XIX – нач. XX вв., наиболее ярко воплощенной во французском Гражданском кодексе 1804г.

К началу XX века авторитет догматов Просвещения пошатнулся и индивидуальную свободу перестали трактовать как врожденное право. Однако понимание того, что без юридических гарантий автономии и определенной роли частной хозяйственной деятельности и равного доступа граждан к правосудию не может развиваться ни одна политическая система прочно вошло в содержание гражданского права. Тем самым в него была привнесена доля индивидуальной свободы, не уступаемой публичным интересам и охраняемой карательной системой государства.

Таким образом, гражданское право создавало юридическое равенство для лиц, обладавших имуществом. Его пробелом оказалось отсутствие юридической защиты интересов неимущих трудящихся, составлявших в XIX – начале XX в. преобладающее общественное большинство. Господствующие социальные представления о браке и семье привели к изъятию из сферы гражданско-правового равенства внебрачных детей и женщин.

Широкое распространение эгалитарных политико-правовых идей активизировало процессы эмансипации в Европе и в Америке. В Германии и в России отменяют крепостное состояние крестьян, препятствовавшее в том числе и развитию гражданского права. Однако если в Германии процессы эмансипации и распространения идеи правового равенства привели к принятию кодекса, то в Российской империи законопроектная подготовка Гражданского уложения, так и не завершилась его принятием.

Отношение советской власти к гражданскому праву и разработка ГК РСФСР 1922 г.

С приходом к власти большевиков все классические (буржуазные) институты гражданского права были отвергнуты. Вместе с ликвидацией частной собственности на землю, а затем в ходе национализации и на другие объекты недвижимости вещное право прекратило свое действие [1, с. 90–92]. Реализация экономической составляющей политики военного коммунизма привела к свертыванию товарно-денежных отношений и частного

гражданского оборота, фактически нивелируя роль обязательственного права, основанного на договорной автономии граждан.

Основные принципы и институты западноевропейского гражданского права, прошедшего к началу 20-х годов XX века более чем столетний период практической реализации, а именно частная собственность, определенная доля индивидуальной свободы, ответственности и договорной автономии утратили социальную значимость в Советском государстве.

Однако введение новой экономической политики (далее НЭП) изменило отношение советских руководителей к гражданскому праву. Вместе со свободной торговлей, восстановлением товарно-денежных отношений и других составляющих рынка неизбежным становилось юридическое обеспечение права на жизнь элементов капиталистической экономики и принятие сложного решения о подготовке советского гражданского кодекса.

К работе над Гражданским кодексом были привлечены известные российские юристы. При этом кодификация проводилась при отсутствии доктрины советского права и даже понимания его сущности и строения. Создание кодекса рассматривалось как технический процесс, а не принципиальное отграничение имущественной сферы отношений и норм.

Организатор работы от наркомата юстиции А. Г. Гойхбарг создает межведомственную комиссию при отделе законодательных предположений НКЮ из юристов так называемой старой школы под председательством В. А. Краснокутского. Перед ними была поставлена трудновыполнимая задача разработки частного по правовой природе кодекса, имеющего публичный характер. При этом институты гражданского права следовало трансформировать на основе революционного правосознания, которым никто из разработчиков не обладал. Поэтому не случайно, что первоначальный проект кодекса вызвал резкую критику.

За исключением положений общей части статьи остальных разделов разработанной комиссией проекта гражданского кодекса были существенно отредактированы. Проект критиковали за отсутствие классово направленной, его частноправовой характер и недостаточное обеспечение государственного вмешательства в сферу хозяйственных отношений.

Анализируя критические замечания к проекту кодекса В. И. Ленина [2, с. 399], адресованные Д. И. Курскому, можно заключить, что посредством институтов гражданского права разработчикам необходимо было создать новое советское хозяйственное право, в котором частная инициатива допускалась только для решения социально-хозяйственных проблем и в пределах необходимых для восстановления советской экономики.

На стадии обсуждения проекта Гражданского кодекса (далее ГК) во ВЦИК РСФСР он в очередной раз подвергся критике. К примеру, П. И. Стучка заметил, что гражданский кодекс необходим прежде всего обывателям, а текст проекта представлялся ему случайным подбором статей, не выполняющим своего предназначения. Стучка обвинил разработчика проекта А. Г. Гойхбарга в том, что его основой стало старое гражданское уложение, из которого было выброшено все ненужное и добавлено несколько советских статей¹.

Юридино-техническая слабость ГК РСФСР 1922 г. всесторонне раскрыта и доказана его современниками. Кодекс составлялся наспех и имел буржуазный характер [3, с. 68]. Его формулировки не были отточены и ясны. Некоторых из них имели противоположный смысл. [4, с. 872]. В кодексе отсутствовали общие понятия и принципы [5, с. 104]. Вместе с тем имелись «лишние» особенные нормы. Так, ст. 20 об имуществе, изъятом из гражданского оборота, делала излишней ст. 181, исключавшую имущество, изъятое из оборота из предмета купли-продажи [6, с. 56]. При этом в ГК были пробелы в отношении многих существенных условий гражданских правоотношений. К примеру, не определено время для законной явки и принятия наследства [7, с. 936].

Основные положения ГК РСФСР 1922 г.

Первый советский ГК предназначался для использования инструментов многоукладной экономики в деле восстановления народного хозяйства РСФСР. Преимущественная часть всех капитальных ценностей прежде всего земля принадлежала государству. Институты частного права допускались со значительными ограничениями и под контролем государства.

¹ IV сессия ВЦИК IX созыва // Бюллетень № 3. С.14, 16, 19.

И если в Германском Гражданском уложении Р. Салейль увидел смягчение абсолютного характера права собственности социальными обязательствами [8, с. 28, 30], видя в этом положительные горизонты вливания в индивидуальное право социальных начал, то в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. интерес частного собственника полностью подчинен государственным потребностям. Как писал А. Г. Гойхбарг, советская власть не могла делать «беспредельных уступок частновладельческой психологии». Обеспечение воли сторон в обязательственном праве он считал отжившим институтом. Только интересы пролетарского государства и развитие его производительных сил разработчик счел достойной задачей Гражданского кодекса [9, с. 1].

Тем самым, создатели проекта ГК РСФСР 1922г., верно подметив общеевропейскую тенденцию отказа от признания имущественных отношений сферой автономного волеизъявления лица, закрепляют возможности широкого (практически безграничного) вмешательства государства в экономические отношения граждан. В этой связи следует напомнить, что в западноевропейских конституциях и гражданских кодексах подобное вмешательство государства допускалось только в интересах общества, на основании закона и с целью устранения социальных конфликтов [10, с. 108].

Поэтому, не считая наличие институтов государственного вмешательства в сферу частных отношений в ГК РСФСР 1922 г.¹ недостатком, относим к таковым установление им гипертрофии государственного интереса в частном праве. Ни государство, ни общество не могут развиваться без предоставления хотя бы минимальной свободы индивиду в сфере гражданского оборота. Последняя предполагает наличие частной собственности как экономической основы свободы и личной автономии, дающей свободу принятия индивидуальных хозяйственных решений.

В первом российском ГК социально-хозяйственное назначение индивидуальной свободы парализовало развитие предпринимательской инициативы, а точнее держало ее в жестких тисках обеспеченного законом вмешательства государства. В нем в духе Интернационала («кто был никем, тот станет всем») гражданско-правовую защиту получили те слои населения, которые ее не имели в буржуазных гражданских кодексах. К примеру, женщины получали равные гражданские права с мужчинами. Хотя это специально в кодексе не оговаривалось, но никаких половых различий в гражданских правах в кодексе нет.

Дети вне зависимости от законности их происхождения, в том числе усыновленные получали гражданские права и дополнительные гражданско-правовые гарантии (ст. 9, 418). Согласно ст. 422 завещатель не мог лишить своих несовершеннолетних детей наследственной доли, причитавшейся им по закону.

Существенно расширив круг лиц, участвующих в гражданско-правовых отношениях по сравнению с действовавшим вплоть до осени 1917 г. т. X Свода законов Российской империи ГК РСФСР 1922 г. вместе с тем не обеспечивает свободу реализации их гражданских прав. Общепризнанные принципы гражданского права предполагают равноправное взаимодействие всех участников гражданского оборота, а именно граждан, их организаций, а также государственных органов и должностных лиц. В ГК РСФСР 1922 г. юридическое равенство субъектов гражданского права вытеснено приоритетом государственных интересов. Так, по ст. 60 от лица, которое добросовестно приобрело имущество непосредственно у собственника, последний вправе истребовать имущество лишь в том случае, когда оно собственником утеряно или похищено у него. Государственные учреждения и предприятия могут истребовать от всякого приобретателя принадлежащее им имущество, незаконно отчужденное каким-бы то ни было способом.

Приоритет государственного интереса в ГК 1922г. обеспечен и в наиболее частной из всех гражданско-правовых областей в наследственном праве. Примером тому служит весь спектр ограничений воли наследодателя при наследовании по завещанию.

¹ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с "Гражданским кодексом РСФСР") // Известия ВЦИК. № 256, 12.11.1922.

В ст. 418, 422 установлен круг наследников и порядок возможного распределения наследодателем между ними долей наследства. Отказ наследодателя от передачи наследства хотя бы одному из указанных в ст. 418 наследников означал переход наследства в пользу государства. Аналогичные последствия влекла неявка наследников в течение шести месяцев со дня открытия наследства по ст. 433.

Только Указом Президиума ВС от 12.06.1945 г.¹ в ст. 422 была внесена поправка, позволяющая наследодателю в случае отсутствия лиц, указанных в ст. 418, завещать имущество любому лицу.

Все земельные отношения были изъяты из сферы действия кодекса (ст. 3). Вследствие этого из раздела «Наследственное право» было исключено наследование крестьянского хозяйства, ставшее предметом Земельного кодекса РСФСР 1922 г.

Границы осуществления частных интересов в кодексе установлены так, что частная инициатива еще более сужается отсутствием законодательных пределов для государственного вмешательства. Такой подход сознательно закладывался в кодекс его разработчиком А. Г. Гойхбаргом. Будучи противником НЭП, он видел в нем угрозу советскому строю. Поэтому регулирование товарно-денежного оборота в ГК РСФСР 1922г. не давало «частнику развернуться» [9, с. 1].

Кроме того, дефектом кодекса стало заложенное в нем противоречие между его нормами и судебной практикой. Вместо обеспечения правовой устойчивости и четкого применения установленных норм статьей 1 ГК РСФСР 1922г. вводится правовая неопределенность. Фактически судьям предоставлялась возможность устанавливать случаи несоответствия реализации гражданских прав их социально-хозяйственному назначению.

Речь шла о классовом интересе пролетарского государства, который в самом общем виде формулировался в ст. 4 и состоял в сохранении командных позиций в управлении хозяйством страны у государства. Тем самым для осуществления правового воздействия использовались неправовые социально-экономические критерии. Свидетельством тому, насколько четко судьи понимали данное предназначение, является статистика. В 1924г. Верховный суд отменил 50% всех решений губернских судов по гражданским делам, в том числе связанные с практикой применения статьи 1².

Детализацией ст. 1 считалась ст. 30 ГК РСФСР 1922г., согласно которой в защите закона отказывали сделкам, заключенным с целью, противоречащей закону или наносящей ущерб государству.

Судья перестает быть посредником при разрешении конфликта между обеспечением общественного порядка, закрепленного в законе и защитой законных интересов лица. Он становится истолкователем революционной законности и правосознания как преимущественного источника права, поставленного над законом.

В любом частном конфликте судье следовало обеспечивать государственный интерес и установленный порядок. С этой целью допускалось широкое толкование закона, ограничение социальной справедливости интересами господствующего класса. Так, согласно ст. 5 ГК РСФСР 1922 г. распространительное толкование его статей разрешалось только в интересах государства и, как сказано в кодексе «трудящихся масс». Реализация данных интересов допускала и обратное действие закона в отношении всех споров, возникших после 7 ноября 1917 г. (ст. 4).

Таким образом, ГК РСФСР 1922 г. в полной мере отражал противоречивость политики советского руководства в отношении роли права. Ограничив его предназначение исключительно пользой, отбросив все юридические нормы, не обладающие целесообразностью, осудив буржуазные подходы к праву как идеалу, правительство вместе с тем определяло в нем собственные идеалы. Так, Л. Б. Каменев в докладе на X Всероссийской съезде Советов, подводя первые итоги кодификации, формулирует в качестве идеала «союз рабочих и кре-

¹ Указ Президиума ВС РСФСР от 12.06.1945 "Об изменениях Гражданского кодекса РСФСР" // Ведомости ВС СССР. 1945, № 38.

² Сборник циркуляров и важнейших разъяснений Пленума Верховного суда за 1924 г. М., 1925. С. 12.

стьян на почве государственной промышленности», поглощающей весь частный капитал [11, с. 30, 31].

Отказ от права частной собственностью на землю стал основанием прекращения разграничения публичного и частного в советском праве, деления имущества на движимое и недвижимое. Социально-хозяйственное назначение советского права послужило ориентиром для формирования структуры законодательства, выстроенной по отраслям советского народного хозяйства. Данная система сохраняет свое значение и в современной России.

Влияние ГК РСФСР 1922г. на последующее развитие гражданского права в России

ГК РСФСР 1922г. создавался как временный (до 1925 г.), но действовал без малого сорок лет. На его основе была сформирована система имущественных отношений, исключавшая частную предпринимательскую инициативу, развитие инвестиционной деятельности и товарно-денежного оборота.

Ограничение частного интереса касалось не только хозяйственных отношений, позволяющих извлекать прибыль, но и осуществления бытовых потребностей в жилье, предметах личного обихода. В этом отношении показательна ст. 182, не допускавшая наличие двух и более немunicipализированных жилых строений «в руках» покупателя, его супруга и несовершеннолетних детей, то есть семьи. Отчуждение жилого строения допускалось не чаще одного раза в три года.

Тем самым закреплялась разрешительная модель гражданско-правового регулирования, позволявшая только те частноправовые отношения, которые регламентировались в ГК РСФСР 1922 г. Разрешалось только то, что прямо предусмотрено в кодексе. При этом данные отношения не должны были вступать в противоречия с интересами пролетарского государства и наносить ему ущерб. Особенно это касается положений о праве частной собственности и частном имущественном обороте (ст. 54, 55, 56). Ограничения частной собственности затрагивали как ее объектный состав, объем, так и юридические возможности ее правообладателя. Принадлежность правообладателя к классу-гегемону не учитывалась, так как гражданское право было призвано обеспечить интересы пролетариата в целом, а не его отдельных представителей [12].

После принятия ГК РСФСР 1922 г. государство перестает быть только политическим, но и становится активным хозяйственным субъектом. В отдельных областях его гражданские права приобретали монопольный характер. К примеру, только в государственной собственности могли находиться земля, недра, воды, железные дороги, их подвижной состав, летательные аппараты, муниципализированные строения, национализированные и муниципализированные предприятия, их оборудование, национализированные суда (ст. 22, 53).

Вместе с ниспровержением верховенства права с пьедестала общепринятых принципов теряют свою социальную значимость и кодексы, становясь «калифами на час» [13, с. 35]. Представления о том, что кодексы надо менять, как только они перестают соответствовать экономической ситуации широко распространенные в советской науке 20-30-х годов не получили последующего научного подтверждения, но вошли к практику российского законодательства с девизом «если конституция, кодекс или закон не соответствуют моменту его надо отбросить и принять новый» [14, с. 70].

Так, на VI съезде деятелей советской юстиции весной 1929 г. ГК РСФСР 1922г. был охарактеризован как кодекс, который «во многих отношениях не соответствует условиям и требованиям жизни». На съезде было отмечено, что «накопившиеся бесчисленные разъяснения только затрудняют понимание этого права, что издание нового кодекса стало ударной задачей ближайшего будущего» [15, с. 22, 23].

Таким образом, при создании ГК РСФСР 1922 г. как и других кодексов периода первой кодификации в систему права были заложены серьезные противоречия. Во-первых, между идеальной природой права и его утилитарным воплощением в советском законодательстве. Отрицая общепризнанные (в интерпретации советских юристов буржуазные) правовые идеалы и понимание права как социальной ценности, советские законодатели закрепляли в юридических нормах альтернативные идеи (классовой природы государства, диктатуры пролетариата, приоритета коллективного над частным и др.).

Содержание юридических норм при отсутствии устоявшейся научной правовой доктрины формировалось под влиянием представлений отдельных ученых. К примеру, ГК РСФСР 1922 г. отражает представления о праве его разработчика А. Г. Гойхбарга. Он писал, что «трудовое общество должно уничтожить всю существовавшую в буржуазном обществе частно-правовую форму экономических отношений, всю частно-правовую регулировку отношений имущественных и отчасти личных, – иначе все гражданское право» [16, с. 221–223].

Во-вторых, признавая право «сменным элементом» государственной политики, инструментом оперативного управления и властвования советские законодатели разрабатывали и принимали конституции и кодексы. Их временный статус не менял социального роли и влияния, оказываемого ими на общественные отношения. Кодексы, созданные в период НЭП, тормозили экономические отношения в условиях индустриализации. Поскольку систематическая работа над кодексами требовала времени и специальных законодательных органов, не предусмотренных в системе советского государства, то стремительно устаревающие кодексы просто не действовали. Вместо них целесообразно моменту создавались сотни подзаконных актов, противоречивших законам и зачастую имевших неправовой характер.

В-третьих, отрицая предшествующий правовой опыт как буржуазный советские законодатели активно использовали его. В частности, при разработке ГК РСФСР 1922 г. была взята не только юридическая оболочка проекта Гражданского уложения 1905 г., но и использованы классические институты гражданского права. Тем самым на основе буржуазного права строили новые социалистические отношения и плановую работу государственной машины.

При этом создавалась негативная иллюзия возможности создания права с «чистого листа», освобождения его росчерком пера от недостатков и пережитков и воплощения в нем новых перспектив экономической и политической действительности.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что рожденный в 1922 г. советский ГК РСФСР своим действием опроверг утверждение советских юристов о недолговечности закрепленных в кодексе институтов. Под влиянием кодекса в отечественное гражданское право прочно вошли представления о социально-хозяйственном предназначении гражданского права, определяемом государством; государстве как хозяйствующем субъекте; приоритете государственных интересов над частными в имущественных отношениях; публично-правовой природе имущественных прав граждан; социальном содержании (вытекают из производственных и хозяйственных потребностей) и экономической детерминированности гражданско-правовых норм; декларативности абсолютного характера права частной собственности и его разрешительном регулировании.

Гражданское право стало технико-юридическим инструментом, одним из средств организации социальных отношений и утратило твердый правовой фундамент. Его содержание обуславливалось тем комплексом отношений, на упрочение которых оно было направлено. Тем самым гражданскому праву была придана условность, относительность, перманентная текучесть и недоработанность, так как постоянные экономические вызовы не давали законодателю качественно доработать кодекс, оставляя широкий простор подзаконному регулированию и судебному усмотрению.

Список источников

1. Шатковская Т. В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // Юрист-Правовед, 2008. № 3 (28). С. 87–92.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44.
3. Стучка П. И. Классовое государство и гражданское право. М., 1924.
4. Аскназий С. Ст. 1 Гражданского Кодекса // Еженедельник Советской Юстиции. 1923. №38, 39.
5. Берман Я. А. Марксизм и гражданский кодекс // Советское право. 1922. № 3. С. 82–112.
6. Яблочков Т. М. Система гражданского кодекса РСФСР // Советское право. М.; Л., 1925. № 6. С. 53–65.
7. Кусиков А.В. Принятие наследства и отречение по гражданским кодексам РСФСР и ССР Грузии // Вестник Советской Юстиции. Харьков, 1926. № 24 (15 декабря). С. 935–938.

8. Салейль Р. Французский гражданский кодекс и исторический метод; Перевод с французского. СПб.: Сенатская Типография, 1905. 52 с.
9. Гойхбарг А. Г. Наша экономика и право // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 19–20. С. 3–4.
10. Дурденевский В. Н. Послевоенные конституции Запада. Вып. 11. М., 1925. 136 с.
11. X Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (23–27 декабря 1922г.) М., 1923.
12. Сольц А. О революционной законности // Известия ЦИК и ВЦИК. № 268. 1925. 24 ноября.
13. Андрес М. Гражданский кодекс РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 2. С. 4–5.
14. Рубинштейн Б. М. Принцип социально-экономического назначения права в гражданском кодексе РСФСР / Борис Рубинштейн // Советское право. М.; Л., 1926. № 3. С. 69–81.
15. Сverdlov G. M. К пересмотру Гражданского кодекса РСФСР // Советская юстиция. М., 1931. № 12 (30 апреля). С. 22–23.
16. Гойхбарг А. Г. Пролетариат и гражданское право / Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. Сб. статей. М.: Государственное издательство, 1919. С. 221–231.

References

1. Shatkovskaya T. V. The place of customary law in the regulation of land relations in the early years of Soviet power (1917– 1922). *Yurist-Pravoved*. 2008;3(28):87–92. (In Russ.)
2. Lenin V. I. Poln. coll. op. T. 44. (In Russ.)
3. Stuchka P. I. *Class state and civil law*. Moscow; 1924. 268 p. (In Russ.)
4. Asknazy S. St. of the Civil Code. *Weekly Soviet Justice*. 1923; (38, 39): 872. (In Russ.)
5. Goykhbarg A. G. Our economy and law. *Weekly Soviet Justice*. 1922; 19–20: 3–4. (In Russ.)
6. Yablochkov T. M. The system of the civil code of the RSFSR. *Soviet law*. 1925;(6):53–65. (In Russ.)
7. Kusikov A. V. Acceptance of inheritance and renunciation according to the civil codes of the RSFSR and the SSR of Georgia. *Bulletin of Soviet Justice*. 1926; 24 (December 15): 935–938. (In Russ.)
8. Saleil R. *French civil code and historical method*. Translation from French. St. Petersburg: Senate Printing House, 1905. 52 p. (In Russ.)
9. Berman Ya. A. Marxism and the civil code. *Soviet law*. 1922;(3):82–112. (In Russ.)
10. Durdenevsky. *Postwar constitutions of the West*. Issue. 11. Moscow; 1925. 325 p. (In Russ.)
11. X All-Russian Congress of Soviets of Workers, Peasants, Red Army, and Cossack Deputies (December 23- 27, 1922) Moscow; 1923: 30, 31. (In Russ.)
12. Solts A. About revolutionary legality. *News of the Central Executive Committee and the All-Russian Central Executive Committee*. (6). November 24, 1925. (In Russ.)
13. Andres M. Civil Code of the RSFSR. *Weekly Soviet Justice*. 1923;(2):4–5. (In Russ.)
14. Rubinshtein BM The principle of the socio-economic purpose of law in the civil code of the RSFSR. *Soviet law*. 1926;(3):69–81. (In Russ.)
15. Sverdlov G. M. To the revision of the Civil Code of the RSFSR. *Soviet Justice*. Moscow; 1931. 12. (April 30). 22–23. (In Russ.)
16. Goykhbarg A.G. The proletariat and civil law. *The October Revolution and the dictatorship of the proletariat. Digest of articles*. Moscow: State publishing house, 1919. 221–231. (In Russ.)

Информация об авторе

Т. В. Шатковская – докт. юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ).

Information about the author

T. V. Shatkovskaya – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor of Department of Civil Law, Rostov state economic university (RINH).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 04.05.2022; принята к публикации 05.06.2022. The article was submitted 19.04.2022; approved after reviewing 04.05.2022; accepted for publication 05.06.2022.